

иметь такие чудесные голоса, особенно по линии басов, что таких голосов нет. Пришедшие с Украины голоса составили тот знаменитый хор, о котором дирижировавший на одном спектакле Микиш сказал, что такого хора нет нигде, нет такого звучания, такой глубины и силы звука. И все лучшее нашей русской оперы, построенное на хоровом звучании, рассчитано на действие и значение этих великолепных басовых голосов. Мы не можем не сказать, что наряду с басами и тенора наши совершенно исключительные. Приехавшая из Одессы Нежданова — это венец очень тонкого, исключительного по художеству голоса.

Хотелось бы сказать и об оркестре Большого Театра. Вы приходите в театр, видите, как сидит дирижер, впереди него оркестр и он владеет всем этим огромным оркестром, а на сцене хор в 300 человек, и он объединяет вместе с хором и оркестр, т.е. один человек владеет этой массой. А было время когда дирижер сидел у самой рампы, а сзади сидел оркестр, он обращал внимание только на певцов, а оркестр оставался вне внимания дирижера. Но пришел наш гениальный мастер Рахманинов и изменил все. Так что мы были свидетелями развивающегося искусства хора и оркестра.

Теперь разрешите остановить ваше внимание на творчестве Собиннова, Шаляпина и Неждановой. Первый раз Федора Ивановича я услышал в Нижнем-Новгороде на ярмарке во время выставки 1896 года. С 1897 г., когда открылся театр Мамонтова, нынешний филиал Большого, он перешел в Большой Театр, на сцену которого уже пел Собиннов. Потом пришла Нежданова. Эта плеяда изменила строй нашей музыки и нашего великолепного искусства. Я слышал 14 басов, которые пели Ивана Сусанина, а пятнадца-